

М. А. Лебедева

Западноевропейская философская мысль и русская идея

У нас две родины: Россия и Европа, они неслиянны и неразрывны, сосуществуя и дополняя друг друга.

Ф.М. Достоевский

Начиная разговор о русской философии, мы сразу же указываем на ее специфический характер, на ее отдаленность от какой-то другой философии, например, от западной или восточной (хотя рассматривать проблему можно также и во временном аспекте). Еще в древности на Руси сложился особый тип сознания, который определил дальнейший ход развития русской философии. Необходимо учитывать то, что государственность на нашей земле сложилась довольно поздно и на деятельность мыслителей различных периодов истории оказали огромное влияние два основных фактора: это пришедшее из Византии христианство¹ и рассуждения западных ученых о бытии, Боге, человеке, ratio и других проблемах, которые всегда волновали и будут волновать человечество.

Философия - понятие достаточно универсальное, но все же правомерно говорить о ее национальной своеобразии. У людей, живущих в различных частях Света, имеются различные ценности, на которые и ориентируется национальная мысль. В России в качестве такой базовой ценности, на которую в большинстве своем ориентируются философы, можно обозначить понятие самой жизни и тяжести этой жизни, как историческое следствие. Отсюда направленность русской философии на западный образец. Русские люди привыкли восхищаться жизнью красивой и богатой Европы, одними из основных ценно-

¹ Религиозная направленность русской философии является одной из важнейших проблем, т.к. в течение многих веков любомудрие на Руси претерпевало огромное влияние восточного христианства и, как следствие этого, ориентировалось на его идеалы, не отказываясь от них даже при попытках ориентироваться на философские идеи Европы.

стей которой являются ценности материальные. Такая установка с большим трудом согласуется с русским жизненным укладом. И это несоответствие является одной из ключевых проблем русской мысли, т.е. мы в ходе своего развития пытаемся ориентироваться на Запад, в то время как сами ориентированы на достижение если не противоположных, то, несомненно, иных ценностей.

Итак, одной из важнейших характерных черт русской философии является ее заимствованный характер. Необходимо отметить, что основные идеи приходили на московскую почву с Запада, и они достаточно плодотворно рассматривались и обдумывались нашими учеными, но вряд ли можно говорить о независимости русских мыслителей в области философии и теологии. В эпоху Просвещения (сер. XVII – перв. треть XIX в.) наши философы направили свой пытливый взор на критикуемый ранее и ненавистный им Запад, и нашли в «заморских» идеях много интересного для себя, конструкты, которые вполне можно применить и к их жизни, помогающие объяснить непостоянство окружающей действительности. В свою очередь, Запад обратил внимание на Россию с ее специфическим укладом, и это дало славянам толчок для начала новой волны осмысления своего существования.

Стоит отметить, что в XVII веке русская философская мысль усваивала достаточно сильное влияние польских идей, далее в XVIII веке Польша уступила место Франции, и уже тогда на Московской земле стали складываться первые философские общества, члены которых пытались так или иначе переосмыслить западные мотивы и переложить их на благодатную русскую почву. Именно тогда, в период царствования Екатерины II, восторжествовала идея национальной духовности. Всем известна переписка императрицы с французскими просветителями, что не могло не сказаться на русской учености. Пожалуй, самым ярким периодом диалога Российской Империи с Западными государствами стал XIX век, когда центром европейской философской мысли стала Германия. Именно в это время в России складываются философские общества и кружки, пытающиеся осмыслить идеи великих немецких классиков, таких как Г. В. Ф. Гегель, В. Ф. Шеллинг, И. Кант, Х. Вольф и другие.

Интересно, что кантианство в России развивалось крайне слабо, особенно в начальный период Кант был воспринят обществом крайне отрицательно. Зато шеллингианская мистика

была достаточно хорошо проработана такими российскими философами, как Д. М. Велланский, П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский, отражена в творчестве Ф. И. Тютчева и других русских писателей¹ и философов. Шеллинг был вдохновителем романтиков, которые стремились представить мир и человека в качестве одухотворенного целостного начала, которое имеет потенцию бороться и противостоять действительности.

Одним из самых значимых русских философов, который много писал о национальной идее, был П. Я. Чаадаев (1794-1856). Он развивал мысль о том, что в России нет исторических традиций, русский народ не имеет своей национальной идеи, своего сознания, и что весь духовный мир был создан европейскими народами. Как истинный шеллингианец, Чаадаев много размышлял над истоками христианской веры и о тех формах, в которых она была воспринята Россией и Западом. Историчность христианства, по мнению Чаадаева, состоит в том, что оно является не только учением, но и церковью. Истинное существо христианства проявляет божественный мир в человеческом естестве, и именно в таком варианте оно было воспринято Западом, в то время как Византийская вера на Руси лишь укрепляла языческие порядки. Подобного рода рассуждения были поддержаны и другими западниками. Действительно, стремление в Европу, ориентация на ее институты и традиции, желание переделать Россию по западному образцу были давней мечтой многих русских².

В этой связи стоит рассмотреть работу П. Я. Чаадаева «Философические письма», особенно заострив свое внимание на первом письме, где он подробно рассматривает характер и причины заимствования западных идей русскими мыслителями. Он характеризует различные особенности русской нации, обычаи и нравы носителей ее культуры, и таким образом поясняет причины специфического становления и развития русской мысли. Чаадаев пишет, что «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы еще открываем истины, ставшие избитыми в других стра-

¹ Одной из важнейших черт русской философии также является то, что среди мыслителей-теологов и философов встречается большое количество писателей, публицистов и критиков, т.о. можно с полной уверенностью утверждать, что философская мысль в России носит, несомненно, литературный оттенок, что делает ее более интересной и доступной для довольно широкого круга людей.

² Еще в XVI в. боярин Федор Карпов и князь Андрей Курбский ставили в пример Речь Посполитую как процветающую просвещенную монархию с сеймом. В XVII веке через украинско-белорусское влияние латинизация и полонизация стали реальностью.

нах у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали ник одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось». Здесь Петр Яковлевич еще не критикует открыто отечественную философскую мысль, но уже указывает на то, что наша страна не вписана в общий контекст развития цивилизаций. Различные идеи и вопросы лишь осмысляются нашими мыслителями, зародились же эти проблемы в умах европейских мыслителей, и применимы они, соответственно именно к их реальности. С другой стороны, полностью отречься от западной мысли нельзя, т.к. кроме духовной жизни у нас не останется ничего своего, а это необходимо для удержания самосознания нации. Духовной же жизни не достаточно для полноценного прохождения человеком своего пути. Жизнь-образование сложное, многогранное и многоуровневое, и этот факт надо учитывать при осмыслении любых идей и в любой стране. Иначе говоря, жизнь многопланова, и каждый ее план необходимо рассмотреть согласно его законам и смыслам.

Итак, в России есть своя почва – почва духовная, можно сказать, православная, для более полного осмысления своей идентичности нам необходима рациональность, но та рациональность, которой мы пользуемся на протяжении многих веков, является рациональностью чисто западной. Изначально это был английский эмпиризм, затем философия французского просвещения, и, наконец, немецкая классическая философия. Чаадаев пытается найти причины особенного развития русской культуры, точку, в которой пути России и Запада разошлись, и Россия замедлила свое движение, так и остановившись на стадии дикости и варварства. «У всех народов – пишет Петр Яковлевич – есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманых намерений... Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов... Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса своя поэзия, самые сильные и плодотворные идеи... Мы не имели ничего подобного» – утверждает Чаадаев. В нашей истории было лишь дикое варварство, иноземные завоевания и больше ничего. В этом месте с ним можно поспорить. Такая точка зре-

ния больше похожа не на аргументацию, а на пояснение зараннее придуманной идеи и нежелание от нее отказываться.

На основании того, что в нашей истории не было периода великих свершений, Чаадаев делает вывод о том, что «мы живем в самом ограниченном настоящем». У нас не наблюдается движения вперед, какого-то закономерного развития, соответственно нет плодородной почвы для взращивания новых свежих идей. Для их возникновения и развития необходима потенция, зачаток которой должен быть заложен еще на рассвете цивилизации. Причем, носителем этой потенции должен стать каждый из нас, и лишь общая сила и мощь может в дальнейшем привести к внутреннему развитию и естественному прогрессу общества и культуры в целом. Чаадаев пишет, что «народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности». То есть, обладая общностью, любой народ может претендовать на то, что он будет являться в целом носителем нравственных идей, а в них и кроется зачаток знания и философской мысли. У западных народов такая нравственность уже заключена в истории и традиции. Поэтому им проще выносить на суд общественности новые идеи и смыслы. Нам же сначала предстоит сплотиться и выждать «нравственную» стадию, и пока это происходит, нам необходимо осмыслить и проинтерпретировать то, что нам предлагают в качестве посылок европейские мыслители. В нынешнем состоянии «всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики». Чаадаев пишет о «пробеле в интеллектуальном порядке», и относится к этому лишь как к трагическому факту, т.е. создается такое впечатление, что он указывает на отсутствие собственной философской мысли в России и даже не пытается предложить какой-либо вариант решения этой проблемы. Хотя, в его «Письмах» имеется интересный пасса, который можно проинтерпретировать как своего рода совет. Чаадаев пишет: «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара».

Философия христианства, в частности, философия православия, достаточно сильна на русской земле, и если на эту прочную основу наложить воображение Востока и рациональность Запада, то, весьма возможно, что в итоге получилось бы

третье, не менее мощное образование, которое дало бы силу для дальнейшего развития идей. К тому же, как утверждает Чаадаев, христианство имеет сильное влияние, как на индивидуальное, так и на общественное сознание, а в высшем разуме то и другое сливаются и в итоге приводят к одной и той же цели. О слиянии индивидуального и общего уже говорилось ранее, а такая установка лишь еще раз подтверждает верность намеченного пути.

Несмотря на весь скептицизм по отношению к русской мысли, Чаадаев все-таки, пишет о том, что на Западе не все преисполнено ума и добродетели, и не это главное, а главным является то, что там все подчинено силе, которая царила на этих землях на протяжении многих веков, силе, объединяющей многие принципы и идеи. Воцарить эту силу на русской земле можно, важно лишь правильно понять, как это сделать, потому что все инструменты для этого у нас есть. Необходимо лишь избавиться от хаоса, присущего русскому сознанию. Умеренная рациональность, но не холодный расчет – вот ключ к зарождению русской философской мысли в сплоченном и нравственном обществе.

Если Чаадаев писал о несостоятельности русской идеи, то, например такой мыслитель как Киреевский Иван Васильевич (1804-1856) напротив утверждал, что Европа потеряла свою основную ценность – веру, а Россия является ее благородной хранительницей. В своей работе «О необходимости и возможности новых начал для философии» он указывает на то, что греческая философия – это хороший тренер и воспитатель человеческого ума. Она избавляет рассудок от «ложных учений язычества» и именно она приготавливает «поле для христианского посева». В процессе формирования греческой философии происходило большое количество споров, из которых впоследствии рождалась истина, это внутреннее разногласие постепенно приводило к становлению разумности. Киреевский полагает, что для того, чтобы поддерживать умственную деятельность человека, необходимо вмешательство божественной воли и ее диктат. По мнению Ивана Васильевича, русская философская мысль именно потому и является наиболее полноценной, что она может сочетать в себе разум с верой. Для православного человека является недостаточным все богоугодные дела подвергать детальному рациональному рассмотрению, равно как и наоборот, идеи разума проверять религиозными постулатами. Также, например, правота протестантизма за-

ключается именно в том, что народ перестал слепо верить, и начал плодотворно сочетать чистую веру с деятельностью рас-судка. По мнению Киреевского «в том – то и заключается глав-ное отличие православного мышления, что оно ищет не от-дельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но сам-ый разум поднять выше своего обыкновенного уровня – стре-мится самый источник разума, самый способ мышления и возвысить до сочувственного согласия с верою».

Интересно будет отметить тот факт, что сам Киреевский изначально принадлежал к кругу мыслителей – западников, но потом все-таки избрал для себя позицию славянофилов. Не-смотря на это его аргументы в пользу русской идеи и русской философии кажутся не до конца проработанными и неубеди-тельными. В своих рассуждениях Киреевский опирается на тот факт, что Западная Европа является наследницей римской культуры, где, по его мнению, была четкая установка на мате-риальность, и отсюда вытекает формализм западных ученых. Сам же Иван Васильевич, пишет о католичестве, о том, что эта форма христианства неистинна, и что в католичестве искажен образ веры. То есть, он просто смотрит на проблему в другой плоскости, в религиозном срезе и сам же делает упор на то, что, если в России и есть философия, то корни ее православные и все свои идеи она пропускает через призму православия. Это является лучшим доказательством того, что в России действи-тельно хорошо развита религиозная мысль (причем, как в форме самой веры, так и форме ее отрицания, т.е. атеизма), но не философское мышление, т.к. последнее в свою очередь рас-сматривает иной круг вопросов.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что, возможно, религиозное мышление-это как раз та форма мыс-ли, которая наиболее плодотворна может развиваться на русской почве, но непосредственно философская мысль-это, все-таки основа западного мышления.